
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТИФЛИССКОГО «ЦЕХА ПОЭТОВ»

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

Действовавшая в Тифлисе литературная группировка «Цех поэтов», возглавляемая видным русским поэтом, писателем, публицистом, переводчиком и общественным деятелем Сергеем Городецким (1884–1967) была одним из отделений художественного объединения «Артистериума», созданного в конце марта 1918 г. при журнале «Ars»¹. Прототипом для него явился петербургский «Цех поэтов», основанный С. Городецким и Н. Гумилевым в 1912 г. (организационное собрание состоялось на квартире С. Городецкого 20 октября 1911 г.)². Умонастроения петербургского «Цеха поэтов» подготовили почву для акмеизма–поэтического течения, сформировавшегося в 1913 г. и противопоставлявшегося символизму. И вот, созданной в Тифлисе литературной группировке С. Городецкий дает такое же название, хотя и, по признанию самого поэта, «Направление тифлисского цеха было романтичней, чем петербургского, но поскольку идеология в обоих была не осознана, оба по существу оставались формалистическими»³.

В объявлении, опубликованном в печати, говорилось, что желающие сотрудничать с «Цехом поэтов» должны представить десять стихотворений. В состав жюри входили С. Городецкий, Г. Робакидзе, Вл. Пруссак, Ю. Деген⁴. И уже на учредительном заседании «Цеха поэтов» (12 апреля 1918 г.) в редакцию «Ars»-а пришло более 20 молодых поэтов. После вступительного слова Городецкого было прочитано свыше 60 стихов, в

¹ Некоторые аспекты деятельности тифлисского «Цеха поэтов» освещены нами в статье «Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акме» («Вестник общественных наук» АН АрмССР, 1982, ¹ 12, с. 44–56, на арм. яз.), в книгах «Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920)» [Ереван, 1984, с. 113–118, 128–140 (на арм. яз.)]; «Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье» [Ереван, 2010, с. 31–66 (на арм. яз.)]. В 2000 г. в Москве вышла в свет весьма интересная книга российского исследователя Т. Никольской «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921)», в которой помещена статья «С. Городецкий и его «Цех поэтов» (с. 134–147). Так как все опубликованные нами материалы о «Цехе поэтов» написаны на армянском языке, считаем целесообразным эти интереснейшие факты с вновь выявленными материалами представить и на русском для более широкой аудитории.

² «Литературное наследство», т. 92, Александр Блок. Новые материалы и исследования, кн. 2. М., 1981, с. 9.

³ С. Г о р о д е ц к и й. Об Армении и армянский культуре. Состав. и коммен. И. Р. Сафразбекян. Ереван, 1974, с. 190.

⁴ «Кавказское слово» (Тифлис), 28. III. 1918.

обсуждении которых приняли участие известные литературоведы того времени⁵.

К 20 июля 1918 г. объединение успело организовать 14 вечеров⁶. В основном эти встречи проходили в музыкальной студии виолончелиста Н. Бендицкого, а также на квартирах С. Городецкого и Ал. Кулебякина по средам. Члены цеха читали свои произведения, слушали доклады по тем или иным литературным проблемам (в качестве докладчиков выступали С. Городецкий, Г. Робакидзе, К. Зеленский, Як. Львов и др.), воодушевленно обсуждали все это.

Собраниям и деятельности «Цеха поэтов» посвящены интересные воспоминания поэтессы Рипсимэ Погосян (девичья фамилия – Асильянц), с августа 1918 г. являвшейся членом этого общества. «Первое мое знакомство с Сергеем Митрофановичем состоялось в 1918 году, когда я, начинающая поэтесса, только что со школьной скамьи, несмело переступила порог тифлисского «Цеха поэтов», – писала она. – ... Высокий, статный, стремительный в движениях, с копной светло-каштановых волос, с неизменной трубкой во рту, он, как гостеприимный хозяин, тепло улыбался каждому новичку, который хотел испытать свои силы в поэзии. С отеческой заботой он пестовал каждого, в ком находил проблеск таланта»⁷. Р. Погосян принимала участие во всех собраниях, мероприятиях и с восторгом вспоминала: «Традиционными днями для «Цеха поэтов» была среда. Эти «среды» были той школой, где мы приобщались к тайнам поэтического мастерства. Затаив дыхание, мы слушали нашего учителя (С. Городецкого. – *Ан. З.*), большого знатока стихосложения. Он обращался с поэтической речью как укротитель, как хозяин русского языка, которым он владел в совершенстве. Сергей Митрофанович придавал огромное значение форме выражения. Он мог часами говорить о структуре стихотворной строки, о размерах и рифмах, об ассонансах и аллитерациях, обо всем том, что придает певучесть поэтической речи. Он говорил о триолетах и о сонетах так образно и так поэтично, что и теперь я могу слово в слово повторить эти уроки. ... Без преувеличения можно сказать, что наши поэтические «среды» были настоящей школой стиха. ...

Поэтические «среды» в тифлисском «Цехе поэтов» были очень многолюдны. Кроме членов «Цеха поэтов», которых было около тридцати человек, сюда часто приходили и грузинские поэты, главным образом члены символистического литературного объединения «Голубые роги»...

⁵ «Кавказское слово», 13. IV. 1918. Т. Никольская ошибается, написав, что открытие второй секции «Артистериума» – «Цеха поэтов» состоялось 11 апреля (см. Т. Н и к о л ь с к а я. Указ. раб., с. 137).

⁶ «Кавказское слово», 20. VII. 1918.

⁷ Р. П о г о с я н. Старейший мастер «Цеха поэтов». – «Литературная Армения», 1964, 13, с. 64.

Торжественность наших «сред» иногда нарушала группа поэтов–футуристов. Как-то с ними пришел Алексей Крученых. ...

Бывали на наших «средах» и музыканты, и художники, и артисты. Особенно зачастили они к нам, когда мы из «Артистериума» перешли в помещение музыкальной студии Бендицкого на улице Грибоедова. В трех небольших комнатах, где разместилась студия, все стены были расписаны в футуристическом духе художником Кириллом Зданевичем⁸.

Другой член «Цеха поэтов» Г. Эрстов пишет о Городецком, что он «вообще любил позу, был напыщен, поверхностно болтлив и, признаться, мало симпатичен», затем добавляет: «Но надо отдать ему должное, он сумел организовать настоящую школу поэтов. На еженедельных собраниях цеха все поэты читали свои произведения. Каждое из которых разбиралось по косточкам и с точки зрения формальной и по содержанию. Жестокая по беспристрастности и дружеская критика несомненно приносила большую пользу, помогая поэтам «расти»⁹.

Затрагиваемые на собраниях вопросы, благодаря возникающим вокруг них спорам, разговорам, выходили за рамки «Цеха поэтов», становясь достоянием многонациональной городской интеллигенции и молодежи, вызывая живой, огромный интерес к лекциям, вечерам и деятельности литературного объединения в целом. В свете сказанного заслуживает упоминания первый литературно-художественный вечер «Arts»-а, организованный 13 июня в зале консерватории. В начале вечера с докладами выступили С. Городецкий, Г. Робакидзе, Як. Львов. В переполненном зале с напряженным вниманием был прослушан доклад Городецкого «Искусство и жизнь», стержнем которого являлась проблема связи искусства с жизнью. Во второй части вечера состоялось торжественное заседание литературного цеха, во время которого после вступительного слова Городецкого с чтением своих стихов выступили А. Антоновская, С. Корона, З. Семейко и др. С особым воодушевлением аудиторией было принято стихотворение С. Городецкого «Россия»¹⁰.

По сообщениям печати, подобные вечера организовывались и впоследствии. На литературном вечере 11 декабря декламатор В. Тизенгаузен должен был выступить с чтением поэмы Ал. Блока «Двенадцать»¹¹. По воспоминаниям Р. Погосян, одно из очередных занятий «Цеха поэтов» С. Городецкий посвятил анализу и обсуждению поэм Ал. Блока «Двенадцать» и «Скифы»¹². Этому предшествовала публикация Городецкого на страницах «Кавказского слова», посвященная поэме «Двенадцать». Эта статья примечательна проницательным анализом,

⁸ Там же, с. 64–66.

⁹ Т. Никольская. Указ. раб., с. 138.

¹⁰ «Кавказское слово», 12. VI. 1918; 15. VI. 1918.

¹¹ «Кавказское слово», 11. XII. 1918.

¹² Р. Погосян. Эхо. Ереван, 1973, с. 35 (на арм. яз.).

он, в частности, писал: «Нам доставлен корректурный оттиск новой книги Александра Блока «Двенадцать», в которую вошла эта новая поэма, или точнее, цикл стихотворений, и кроме того большое стихотворение «Скифы»...

Если бы даже эта поэма и не была посвящена изображению современной России, все равно она возбуждала бы большой интерес как произведение одного из сильнейших наших лириков, долго притом молчавшего и давно уже ставшего любимцем читательских надежд.

Но интерес удваивается оттого, что, по доходящим сюда сведениям, Александр Блок примкнул к большевикам, и таким образом, в его поэме соединяется интуиция свободного поэта с пристрастиями партийного человека.

Многим казалось странным, как мог романтик, певец Прекрасной Дамы, трубадур стать большевиком. Но, при ближайшем рассмотрении, дело становится совершенно ясным. С одной стороны, в большевизме очень много своеобразной романтики. С другой стороны, известно, что Блок во время первой революции ходил с красным флагом впереди демонстрантов, что им написаны стихи о рыцаре Зимнего дворца ... наконец, в Блоке всегда было любопытство к народной, в частности, фабричной среде; в результате, его близость к большевикам вполне объяснима именно из его коренных качеств и свойств¹³. В конце статьи, в примечании С. Городецкий добавляет: «Полностью «Двенадцать» появится в 1 4 «Ars»-а. Постановкой этой вещи предположено открыть в осеннем сезоне серию «Вечеров поэзии».

Это был первый положительный отклик на известную поэму Блока в Закавказье, свидетельствовавший о серьезном воздействии и правильном восприятии поэмы в кругах тифлисской многонациональной интеллигенции. Благодаря предоставленному С. Городецким единственному корректорскому экземпляру тифлисское издательство «Кавказский посредник» растиражировало поэмы «Скифы» и «Двенадцать». Кстати, вскоре в тифлисской армянской газете «Мшак» («Труженик») появилась ценная статья известного литературного критика А. Сурхатяна, в которой он своими тонкими и глубокими высказываниями защищал «великого поэта русской земли» от нападок левых и правых. Авторитетный критик дает оригинальное истолкование известному символу «Двенадцати». Вступая в полемику с враждебными большевизму мнениями о том, что поэт, «противопоставляя символ большевизму», осуждает это движение, Сурхатян пишет: «Христос – тот универсальный символ, в котором слито представление идеи и жертва идеи ...

Почему с окровавленным знаменем Христос предводительствует этими двенадцатью, спрашивают удивленные критики. Ведь кровь не связывается с личностью Христа?

¹³ «Кавказское слово», 10. VIII. 1918.

Но разве может жертва идеи не быть окровавленной? Такого не было и быть не может. Если древний Христос во имя идеи нес свой обгаренный кровью крест, то Христос завтрашнего дня, во имя спасения несчастной нации, понесет обгаренное кровью знамя свободы». Интересен вывод критика: «Поэт глубоко постиг сущность происходящих общественных сдвигов и в образе Христа создал тот символ светлого будущего, для достижения которого человечество принесло беспримерные жертвы и будет приносить их»¹⁴.

... Разумеется, на многолюдных собраниях «Цеха поэтов», о чем явствуют сообщения печати и воспоминания Р. Погосян, рассматривался широкий круг вопросов. Помимо постоянных и новых членов, на собраниях цеха часто присутствовали и гости – профессор консерватории Ф. Гартман, музыковед Н. Черепнин, члены группы грузинских поэтов «Голубые роги» Т. Табидзе. П. Яшвили, В. Гаприндашвили, тифлиссские футуристы, возглавляемые А. Крученых.

На собраниях цеха неоднократно присутствовал и великий армянский поэт Ованес Туманян, своими советами поддерживавший молодых членов литературного объединения. Со своей стороны Туманян приглашал членов «Цеха поэтов» к себе в гости.

Как известно, в феврале–марте 1919 г. в Тифлисе торжественно отмечалось 50-летие Туманяна, ставшее ярким культурным событием¹⁵. В течение месяца город воздавал почести любимому поэту. В юбилейных торжествах принимали участие и члены «Цеха поэтов». Так, 20 февраля делегация членов цеха (С. Городецкий, Ал. Кулебякин, Ю. Данцигер, Н. Бел-Конь-Любомирская) вместе с представителями многонациональной интеллигенции Тифлиса посетила Туманяна и после теплых поздравлений преподнесла ему приветственный адрес: «Тифлиссский цех поэтов сегодня, в день Вашего пятидесятилетия, обращает к Вам свои восторженные голоса. Ваш праздник является не только народным праздником Вашей многострадальной родины, но и днем великой радости для всех поэтов, чествующих в лице Вас высокого жреца вселенского слова ... И сколько раз в эти тревожные годы Ваш голос звучал как совесть человечества! Великого гуманиста, мощного сердцем пророка, приветствуем мы Вас сегодня и славим»¹⁶.

Постоянно общающаяся с Туманяном русская интеллигенция именно так воспринимала его поэзию, его творчество как вселенское слово, его личность как олицетворение человеческой совести.

26 февраля состоялось 24-е заседание цеха, посвященное 50-летию Ов. Туманяна. После приветственной речи председателя объединения С. Городецкого и декламации посвященных юбиляру стихов Ал. Кулебякина

¹⁴ «Мшак» (Тифлис), 5. III. 1919, 6. III. 1919 (на арм. яз.).

¹⁵ Об этом подробно см.: С. Ованесян. Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г.– В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125–143 (на арм. яз.).

¹⁶ «Закавказское слово» (Тифлис), 22. II. 1919.

и Н. Бел-Конь-Любомирской было оглашено решение «Цеха поэтов», согласно которому Туманян был избран членом этого литературного общества. Затем «Композитор Фома Гартман, вспомнив обычай армянских праздников – играть новые песни – симпровизировал красивый этюд в честь юбиляра. Александр Черепнин исполнил свои новые вещи ... Все поэты прочли стихи. Ов. Туманян пригласил к себе цех поэтов *in cogrore* на следующее заседание»¹⁷.

Кстати, поэтесса Р. Погосян в своих воспоминаниях упоминает именно это заседание от 26 февраля: «... в одну из этих «сред» к нам в гости пришел Ованес Туманян. ... Мы стоя аплодируем гостю, а Сергей Митрофанович (Городецкий. – *Ан. З.*) обращается к нему с теплыми словами приветствия. Потом поэты читают свои стихи на русском языке. Туманян внимательно слушает, вот у него появился знакомый прищур глаз. Он встает со своего места, быстро подходит к столу, и из уст поэта полилась эпическая песня об «Азаран блбуле» («Жар-птице».– *Ан. З.*). Поэт читает отрывки из этого чарующего произведения. Он кончает, он заметно взволнован, а глаза горят огнем вдохновения. По просьбе присутствующих он берет альбом «Цеха поэтов» и пишет на одной из страниц альбома несколько строк из «Азаран блбула». Мне запомнился широкий росчерк его подписи.

После этой «среды» Туманян стал частым гостем «Цеха поэтов». К его мудрым советам прислушивалась молодежь»¹⁸.

12 марта члены «Цеха поэтов» нанесли Туманяну ответный визит. Об этой встрече Р. Погосян пишет: «И вот, воспользовавшись его (Ов. Туманяна.– *Ан. З.*) любезным приглашением, писатели нашего «Цеха поэтов» пришли к нему в гости ... Кроме нас Туманян, великий поборник дружбы народов, пригласил и грузинских писателей. Здесь Иосиф Гришашвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и другие. Слышится армянская, грузинская и русская речь. ... Потом некоторые из нас прочли стихи, посвященные великому лорийцу. ... Поэт попросил нас вписать эти стихи в его альбом»¹⁹.

В книге Н. Туманян «Воспоминания и беседы» читаем следующую запись от 12 марта: «Во главе с Городецким *отца вновь посетили* (курсив наш.– *Ан. З.*) молодые поэты «Цеха поэтов», чтобы поздравить его с 50-летием со дня рождения.

В альбоме записали свои стихотворения.

Остались на ужин.

¹⁷ «Закавказское слово», 28. II. 1919.

¹⁸ Р. Погосян. Незабываемые встречи.– «Литературная Армения», 1959, ¹ 1, с. 168.

¹⁹ Там же, с. 169. Вышеупомянутый альбом хранится в музее Ов. Туманяна– в семейном архиве Туманянов. Кстати, в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца, в ф. Ов. Туманяна (¹ 1287, 1295, 1298–1299, 1305) хранятся стихи А. Антоновской, В. Зоты, Н. Бел-Конь-Любомирской, Ал. Кулебякина, Майи, посвященные Туманяну.

Был интересный и радостный вечер»²⁰.

... С. Городецкий, как принято говорить, был душой «Цеха поэтов». Благодаря его усилиям деятельность литературного объединения была эффективной и успешной. Цех имел свой устав, и лица, нарушавшие его – Ю. Деген, В. Кара-Мурза, В. Катанян (впоследствии исследователь творчества В. Маяковского), Н. Васильева были исключены из цеха²¹. В это литературное общество была вовлечена и армянская молодежь: Р. Погосян, С. Меликова, В. Кара-Мурза, В. Катанян и др. Весьма интересна причастность В. Кара-Мурзы и В. Катаняна к «Цеху поэтов». В конце 1917 г. они издали сборник стихов «Синим вечером», удостоившийся, так сказать, одобрительной критики С. Городецкого. В своей статье «Футуризм в поэзии», обращаясь к футуристическим увлечениям авторов, он отмечает, что их возраст был таков, когда еще не имея своего и не сокрушив приобретения других, они свои «молодые мозги эксплуатируют» повторениями. И все же Городецкий признает, что авторы не лишены дарования. Это можно проиллюстрировать одной – двумя строками, несколькими образами²². Польщенные этой оценкой, молодые поэты вступили в «Цех поэтов», но впоследствии, не сумев противостоять футуристическим соблазнам, они «нарушили устав» и были исключены из цеха.

... Годовщине «Цеха поэтов» Городецкий посвятил большую статью. «Созванный в «провинции» в пору тяжелых тревог, наперекор злобе дня, он («Цех поэтов».– *Ан. З.*) скромно и настойчиво повел свою работу, увенчавшуюся через год выходом сборника «Акмэ»,– писал он.– ... Приблизительно на втором году работы определился ряд положений, который спаял наше сообщество уже как школу. Эти положения касались как технической ... стороны, так и мирозерцания нашего кружка, которое определилось как решительное жизнеутверждение.

Были в тифлисском Цехе свои огорчения, свои расколы. Обострившееся отношение к футуризму, торопливость в самоопределении иных поэтов разделили нас с товарищами, начинавшими работу вместе. Но об этом не хочется думать в день праздника»²³.

²⁰ Н. Т у м а н я н. Воспоминания и беседы. Ереван, 1969, с. 201–202 (на арм. яз.).

²¹ «Кавказское слово», 15. VI. 1918. Кстати, кроме цеха С. Городецкого в Тифлисе в это же время действовал еще один «Цех поэтов» при литературном обществе «Кольчуга» («Кавказское слово», 20. VII. 1918), и этот цех возглавлял исключенный из первого «Цеха поэтов» Ю. Деген («Кавказское слово», 22. X. 1918). После отъезда Городецкого из Тифлиса осенью 1919 г. оба цеха объединились [см.: «Слово» (Тифлис), 30. XI. 1919; 4. XII. 1919].

²² «Кавказское слово», 20. I. 1918.

²³ «Кавказское слово», 26. IV. 1919.

* * *

Благодаря каждодневной деятельности литературного цеха, по инициативе и при активном участии С. Городецкого, был создан поэтический сборник под названием «Акмэ. Первый сборник тифлисского цеха поэтов», вышедший в свет в середине апреля 1919 г.²⁴ Эта книжка давно уже стала библиографической редкостью, поэтому, на наш взгляд, на ней стоит остановиться подробнее.

В сборник включены стихотворения двадцати двух поэтов: это – Анна Антоновская, Рипсимэ Асильянц, Григорий Баммель, Н. Бел-Конь-Любомирская, Александр Гербсман, Сергей Городецкий, Нина Грацианская, Юрий Данцигер, Магдалина де-Капрелевич, Василий Зота, Ольга Камаева, Николай Капранов, Александр Кулебякин, Майя, Софья Меликова, Константин Образцов, Татьяна Пояркова, Владимир Прусаск, Александр Радике, Сергей Рафалович, Владимир Сапожников, Николай Семейко. Четверо из них, по словам Р. Погосян, были армянами²⁵.

В своих воспоминаниях выдающийся русский писатель и публицист И. Эренбург писал: «Мне подарили (в сентябре 1920 г. поэт находился в Тифлисе и ежедневно встречался с представителями местной интеллигенции.– *Ан. З.*) «Сборник тифлисского цеха поэтов». Эта книжка случайно у меня сохранилась. Среди авторов много поэтов с поэтическими фамилиями»²⁶.

Представим некоторые наиболее примечательные произведения вышеназванных авторов.

Сборник открывает стихотворение Анны Антоновской «Сумрак», написанное под явным влиянием символистского искусства:

*Царапнув воздух, я вползу в окно,
Живых мохнатой лапою пугая,
Мечтательность за мной войдет нагая
В сердца людей влить терпкое вино.*

*Скользну к роялю, обниму панно,
В цветах дразню тихонько попугая ...
Уймуся в углу, тоску подстерегая, –
Меж тьмой и светом зыбкое звено...²⁷*

²⁴ «Кавказское слово», 18. IV. 1919.

²⁵ Р. Погосян. Эхо, с. 52.

²⁶ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь, кн. 1 и 2. М., 1961, с. 513. О деятельности И. Эренбурга в Тифлисе см. также: А н. З а к а р я н. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920), с. 205–214.

²⁷ «Акмэ. Первый сборник тифлисского цеха поэтов». Тифлис, 1919, с. 3 (в дальнейшем страницы цитат будут отмечены в тексте).

Зыбкая мечтательность, игра тьмы и света, рифмы, подпевавшие друг другу, печальная музыкальность – вот те особенности, которые в основном характерны почти для всех авторов. Нетрудно заметить, что искусная рука Городецкого коснулась почти всех стихов. Литературным опытом обладала лишь незначительная часть участников сборника, большинство из них делало первые шаги в литературе, и по шутливому выражению Городецкого, проходило «детсад» поэзии²⁸.

Основные мотивы этих стихотворений, разных по содержанию и оттенкам – любовь и природа. Грустная любовь – мечты о встрече, тревожное ожидание и размолвки, печаль, порою поэтически воплощенная в чувствах и образах, таковы, например, стихи выпускницы тифлисской женской гимназии Татьяны Поярковой:

*Упорством золота пронзив
Последней тучки волоконце,
Вдруг забарахталось в грязи
Развеселившееся солнце.*

*... В моей комнате в сумерки бродит
Голубая, как вечер, печаль
И рукой осторожной проводит
По лицу моему, по плечам.*

*Ее бархатный шаг так не весел,
Обойдет, обовьет синевою
И потом не отходит от кресел,
Где мы утром сидели с тобой (с. 46 – 47).*

Вот еще строки из ее другого, не менее пленительного стиха:

*Декабрьский день уходит рано,
Слегка закат позолотив,
Сползает в улицы туманом
Небес сиреневый отлив.*

*И в эту муть, как поневоле,
Иду я в сумерки бродить,
О, если б знал ты, сколько боли,
Как тяжело тебя любить! (с. 47).*

Эти чудесные строки привлекают тонко обрисованной светотенью, прозрачной цветовой музыкальностью перекликающихся друг с другом рифм.

²⁸ Р. Погосян. Эхо, с. 37.

Любовная лирика большинства авторов сборника подтверждает мысль, высказанную И. Эренбургом: «Поэты «тифлисского цеха» писали сонеты о Свароге, Эросе, Суламите, Санаваллате, Монфоре и о других, столь же близких персонажах»²⁹. От этих песен неотделимы пелена таинственности, настроения уединения и одиночества. В них любовь иногда воплощается с помощью метафорических или символических сочетаний предметов, явлений природы. Это прослеживается в стихах Нимфы Бел-Конь-Любомирской – жены Городецкого:

*Двухцветный шиповник,
Неверный любовник,
Мне нравишься ты.
Наверно, пришел ты,
Оранжево - желтый
Из сада мечты.*

*Огнем обнимаешь,
Когда принимаешь
Лобзанье в уста,
И светишься, алый,
Как блеск запоздалый,
На ветках куста ... (с. 12).*

Многообразны стихи, посвященные русской природе и привлекающие лирическим восприятием явлений природы, оригинальными замыслами. В этих стихах мы встречаемся с тонкими размышлениями об истории, быте и психологии русского народа, в них часто варьируются символы святыни русской земли – Матери - Волги, образ белой березы. В одном из стихотворений цикла «Волга» Василия Зота Волга представляется русской красавицей, то обессиленной, то тоскующей какое-то время без жениха:

*Жизнь девичья – не жизнь без жениха,
А молодцу без милой жизнь – мученье.
Ах, бурное прекрасное течение! (с. 28), –*

но судьба не скупится и посылает ей мужчину, похожего на Стеньку Разина.

В стихотворении «Утро» из того же цикла в четком ритме поэтизируется сенокос на заре как пробуждение природы:

*К сенокосам
станом босым,
до зари,*

²⁹ И. Эренбург. Указ. раб., с. 513.

*шли по росам
косари (с. 30) и т. д.*

Образы Матери-Волги и Стеньки Разина искусно вплетены также в стихотворение «Волга» Николая Капранова, где русская революция изображена как возвращение Стеньки Разина и его победа:

*Гей, Волга матушка, невеста скорбных песен;
Разгульная моя, широкая река.
Как зелены твои холмистые бока
И величав твой бег, когда минует весен.*

*... О судьбах Родины как в древности гадая –
И твердо веришь ты, скрывая бурный ток,
Что Стеньку Разина вернет Судьбы челнок ... (с. 35).*

Образы Матери-Волги, Пугачева, Ермака, чаще Стеньки Разина в этих стихах являются выражением революционной ориентации и настроений, в значительной мере призванных к жизни под влиянием поэмы В. Каменского «Стенька Разин». В Тифлисе Каменский был известен и любим благодаря этому своему произведению и, быть может, в гораздо большей степени – выступлениями в цирке в одежде Стеньки Разина, верхом. Кстати, именно в эти дни со статьей, посвященной «Стеньке Разину», выступает С. Городецкий. Считая «русского смельчака Разина» символом русского народа, автор высоко оценивает искусство поэта, романтическую, заразительную силу созданного им образа, которая характеризуется как черта, присущая русской стихии³⁰. И вот, образ Разина был широко воспет также и в этом сборнике «Цеха поэтов».

В книжке нашли также место стихи, посвященные Тифлису, описанию его достопримечательностей, быта, природы, людей. Одно из них принадлежит перу Рипсимэ Асильянц, выросшей в интеллигентной тифлисской армянской семье. И хотя это стихотворение является одной из ее первых поэтических попыток, оно отличается своей завершенностью, – здесь, несомненно, сказалась помощь Городецкого. Читая стихи, проникаешься восточным духом старого Тифлиса, чувствуешь его колорит:

*Змеей свернулся город старый
И в пасть времен направил взгляд, –
Века под звонкий рокот тары
Не изменили свой наряд.*

³⁰ «Кавказское слово», 7. VI. 1919. О деятельности В. Каменского в Тифлисе подробнее см.: А н. З а к а р я н. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920), с. 28–47.

*Как раньше, лентой вьется вдовьей
Куры чернеющий атлас
И под чадрой татарки брови
Хранят все ту же тайну глаз.*

*... Чуть слышно в небе кипарисы
Колышат полог синевы,
И в стенах чайных притаился
Напев стихов Саят - Новы (с. 6).*

Перед взором читателя предстает свернувшийся змеей город со сверкающим атласом Куры. Не-разрывно связанный с атмосферой старого Тифлиса, Саят-Нова, неоднократно воспетый и воспеваемый в армянской и грузинской поэзии, в каждодневном быту, является также героем стихотворения Р. Асильянц. Древний город с его восточной пестротой и поэтичностью был святыней для армянства, для каждого армянина. Характерно, что самые разные поэтические воспоминания о Тифлисе находим на страницах книги воспоминаний Р. Асильянц - Погосян, написанной ею в последние годы жизни.

Следующее стихотворение – «Тифлис» – принадлежит перу Сергея Рафаловича, который в каждой строфе пробует воспроизвести национальный дух грузинского народа – вспоминая Куру, Шота Руставели, памятные страницы истории Грузии. Кстати, в 1918–1920 гг. русский писатель, драматург принимал активное участие в общественно-литературной жизни Закавказья (Баку, Тифлис). Автор статей об Армении, о трагедии армянского народа, Рафалович был очевидцем сентябрьских событий в Баку 1918 г., когда было истреблено около 30 тыс. армян и в статье «Правда о бакинских событиях» обстоятельно описывал все происходящее. В статье «Свобода мертвым (Pro Armenia)» он выступил с разоблачением политики европейских государств в судьбе армянского народа. И. Эренбург в своей знаменитой книге «Люди, годы, жизнь» вспоминает и о нем: «Некоторых из них (русской интеллигенции. – *Ан. З.*) я встретил (в Тифлисе.– *Ан. З.*). Артист Н. Н. Ходотов собирался домой, в Петроград. Поэты Агнивцев и Рафалович ждали французских виз»³¹. Ожидание визы выразилось и в том стихотворении Рафаловича, где рядом с красотами города отражены идеи, с древних времен чуждые грузинскому народу, многонациональному Тифлису.

В книжке значительное место занимают антивоенные стихотворения, проникнутые мучительными воспоминаниями, страдальческими настроениями, проклятиями и жалобами. Некоторые из авторов

³¹ И. Эренбург. Указ. раб., с. 514. О С. Рафаловиче см.: А н. З а к а р я н. Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван, 2003, с. 188–196.

сборника воевали на Кавказском фронте, лицом к лицу сталкивались со смертью и страданиями, вот почему в своих поэтических произведениях они проклинают все ужасы кровавой бойни. В сонете «Война» Юрий Данцигер пишет:

*... Мать гекатомб являет новый лик,
Смотав нам мысль в клубок кровавых ниток,
Под хохот бомб и вой лиддитных пыток...*

*Гнилых культур лекарственный ярлык, –
Все тот же ты, проклятый пережиток!
Как гнусен твой коснеющий язык! (с. 21).*

Словно к этому же циклу относится и его сонет, посвященный Ф. Шопену, в котором, воспевая гимн музыке, автор добавляет:

*... Но о земном скорбит, далек восторгам хора,
И реет вновь к юдоли слез Шопена дух,
Лиясь сладчайшею печалью fa minor'a (с. 22).*

В том же ключе написаны стихи Городецкого «Notturmo 1-mo» и «Notturmo 2-do», которые отличаются разнообразными рифмами, музыкальностью, противопоставлением царивших в мире пороков и человеческого гения. Восставая против всесокрушающего военного безумства, против человека-зверя, человекоубийства и погромов, поднимает голову восставший человеческий гений, чтобы вновь воспеть жизнь, неодолимую силу человеческого жизнелюбия:

*... И тщетно в бездне райских областей
Палитры ищет Врубель и кистей.
Обходит смерть, раскоса и хрома,
От страха побелевшие дома.
И пальцами дрожащими лучист,
К роялю подбегает пианист.
И Скрябина таинственный прелюд
Терзает тихой комнаты уют (с. 15).*

Не осталось и следа от былых ура-патриотических, воинственных настроений. Поэт проклинает разрушительную войну, возвышая творческий, созидательный дух человека, в то же время славя его, неопределимое значение его жизни и существования. Своеобразным выражением той же идеи является и стихотворение «Бессмертие», характеризующееся оригинальным замыслом. С первых же строк стихотворения –

*Налегла и дышать не дает
Эта злобная зимняя ночь –*

сгущая картины бессонницы, ужаса и смерти, в последних строках Городецкий этой мрачной атмосфере противопоставляет цену человека с позиций творца его:

*... Золотой чешую звеня
И шипя издыхающим ртом,
Гаснет в мокрой печи головня.
Холод барином входит в мой дом.*

*Не стянуть отсыревших сапог
И пальтишком костей не согреть.
В потемневшей фольге плачет бог,
Что не может со мной умереть (с. 17).*

Вместе с ушедшим из мира человеческим существом с плачем хочет умереть, уйти от мира и сам создатель, в то время как ежечасно в аду войны люди уничтожают друг друга. И в качестве логического вывода напрашивается вопрос – по какому праву?

В этом смысле примечательны также стихотворения Александра Кулебякина, которые занимают особое место в сборнике. На Кавказском фронте Первой мировой войны, в военных действиях, развернутых русской армией, с первых же дней активно участвовал военачальник родом из терских казаков Ал. Кулебякин, под командованием которого сражались плечом к плечу против заклятого врага русские солдаты и армянские добровольцы. Ал. Кулебякин стал очевидцем трагических событий в Западной Армении, которая на его глазах была превращена в руины, а армянское население было подвергнуто геноциду. Он восхищался героизмом армян, их неукротимой волей к борьбе, преклонялся перед историей, культурой, природой Армении, все это образно отобразив в своих поэтических, публицистических и исторических произведениях. После войны оставшись в Закавказье – в Тифлисе, Кулебякин принял непосредственное участие в решении ряда волнующих армянскую общественность вопросов и проблем³².

О Кулебякине находим интересные сведения в воспоминаниях Р. Погосян: «Во время очередного собрания («Цеха поэтов». – *Ан. З.*) с чтением своего стихотворения об Армении выступал поэт - генерал

³² О деятельности Ал. Кулебякина в Западной Армении, затем в Закавказье в 1915–1923 гг. подробнее см.: А н. З а к а р я н. Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003. Кстати, Т. Никольская пишет, что «Генерал А. Кулебякин был начальником конвоя Его Императорского Величества Николая II (Т. Н и к о л ь с к а я. Указ. раб., с. 145). Насколько нам известно, о нем нет ни слова даже в биографических энциклопедических словарях о Первой мировой войне (см., например: К. А. З а л е с с к и й. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000).

Александр Кулебякин – очень уважаемый человек, который, несмотря на возраст, был одним из активных членов «Цеха»³³.

Ал. Кулебякин был в числе членов «Цеха», подписавших письмо в защиту С. Городецкого от клеветнических нападок главаря «Академии стиха» Г. А. Харазова³⁴.

В «Акме» вошли три стихотворения Ал. Кулебякина – «Аракс», «Я видел сон...», «Сквозистый лес...», направленные против войны и насилия. В стихах раскрывается тонкий поэтический мир Кулебякина, его переживания за «маленький уголок» земли – Армению и ее гордый народ.

Стихотворение «Аракс», несколько перегруженное описаниями местности и природы, в первых трех строфах напоминает обычную пейзажную зарисовку:

*Играющий Аракс в разливе красных вод
Течет глубоким коридором.
Вверху уступы скал – граниты всех пород,
И мох ползет по ним узором (с. 36).*

Протекающая в глубоком каньоне река, окрашенная в красный цвет от бесчисленных человеческих жертв, описана на фоне чарующей природы – растущих на скалах пышных кустарников, птичьих гнезд и т. д. Торжественный пейзаж в последних двух четверостишиях раскрывает «скрытые» вековые стоны и страдания человечества, обобщая тем самым историю армянского народа, кровавый кошмар, пережитый им:

*Немолчный гул воды, неясный полусвет
И ветра замкнутого вздохи. –
На всем угрюмый тон, оттенок бездны лет,
Печать таинственной эпохи.*

*Из сумрака времен события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают (с. 36).*

В армянской литературе река Аракс не раз выступала в качестве символа армянского народа. Вспомним повесть Раффи «Самвел» и стихотворение Р. Патканяна «Слезы Аракса». И вот, этот символ использован и Ал. Кулебякиным, хорошо знавшим историю и судьбы армянского народа.

В самом деле, на Кавказском фронте поэт – генерал глубоко переживал войну, был потрясен увиденным. Красноречивое свидетельство

³³ Р. Погосян. Эхо, с. 49.

³⁴ «Закавказское слово», 15. II. 1919.

тому – его стихотворение «Я видел сон...». В первых строках поэт предсказывает, что человечество исчерпает человечность, дарованную богом:

*Я видел сон: ушли в туман года.
Весь род людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города (с. 37).*

Читая это стихотворение, невольно вспоминаешь картины «Мертвого Города» из поэмы «Дантова легенда» выдающегося армянского поэта Е. Чаренца, который также был очевидцем бедствий на Кавказском фронте:

*Был город пуст. Во мраке ни крупницы,
Ни капли света, все одела тьма...
Уставив вверх ослепшие глазницы,
Молчали разоренные дома...
И мы вошли в какой-то темный дом...
Вошли... Пред нами, кровью истекая,
С открытым ртом, как будто хохоча,
Лежала женщина полунагая,
Но раны на груди и у плеча,
Рот, замерший в последнем содроганье,–
Все говорило здесь о поруганье...³⁵*

Чаренцем в «Мертвом Городе» описан Ван, разрушенный, с дымящимися от пожаров домами и садами, оскверненными, заколотыми людьми. В этом городе он побывал солдатом-добровольцем, а Кулебякин – как один из командиров русской армии. Несомненно, такими же впечатлениями, переживаниями проникнуто и стихотворение «Я видел сон...» поэта-генерала. Видя во сне пустые города, населенные зверьми, автор восстает против человеческой жестокости, взлелеянного человечеством «Всемирного Разума» и победу он видит без воинствующего человека-зверя, вечно молодом и красивом мире:

*И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлую звездою (с. 37).*

³⁵ Е. Ч а р е н ц. Стихотворения и поэмы. Л., 1973, с. 273.

Эту идею дополняет следующий стих Кулебякина – «Сквозистый лес ...», посвященный вечно молодому и прекрасному миру – природе и человеку – живущему естественной жизнью. Зеленые склоны, затененные лесами, родники и ручейки, спешащие с гор в ущелья, материнская колыбельная песня, отзвуки пастушеской свирели – этому тихому и мирному маленькому уголку «всемирной жизни» он посвящает задушевные трогательные строки. Это как бы дань навеянной идеями Руссо мечте поэта о девственной природе и непорочном человеке, как части этой природы.

Этот и предыдущие стихи раскрывают перед нами поэтический мир Кулебякина, его переживания за свергнутое в горнило войны человечество, за «маленький уголок» земли – живописную Армению и ее многорадальный народ.

Невзирая на отдельные мотивы одиночества, проявления мрачных, религиозных настроений в сборнике «Акме» в основном преобладают стихи, в которых доминируют любовь и преданность, доброта, красота, человеческая солидарность и т. д.

**ԹԻՖԼԻՍԻ «ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՆԵՐԻ ՀԱՄՔԱՐՈՒԹՅԱՆ»
ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅՈՒՆԸ**

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Ռուս անվանի բանաստեղծ, գրող, հրապարակախոս, թարգմանիչ և հասարակական գործիչ Սերգեյ Գորոդեցկու (1884–1967) ղեկավարությամբ Թիֆլիսում գործած «Բանաստեղծների համալսարանը» գրական միավորումը, որը «Արս» ամսագրին կից 1918 թ. մարտի վերջերին ստեղծված զեղարվեստական նոր տիպի կազմակերպության՝ «Արտիստերիումի» բաժիններից մեկն էր, ունեցել է իր նախատիպը՝ ի դեմս պետերբուրգյան «Բանաստեղծների համալսարանի»: Վերջինս 1912 թ. հիմնել էին Ս. Գորոդեցկին և Ն. Գումիլյովը (կազմակերպական նիստը տեղի է ունեցել 1911 թ. հոկտեմբերի 20-ին Գորոդեցկու բնակարանում): Պետերբուրգյան համալսարանում իր մտայնություններով նախապատրաստել էր ակմեիզմը, որն իբրև բանաստեղծական հոսանք ձևավորվեց 1913 թ.՝ հակադրվելով խորհրդայաշտությանը:

Թիֆլիսի «Բանաստեղծների համալսարան» հիմնադիր նիստը տեղի է ունեցել 1918 թ. ապրիլի 12-ին: Գրական միավորման անդամներն ամեն չորեքշաբթի հավաքվել են թավջութակահար Ն. Բենդիցկու երաժշտական ստուդիայում, բանաստեղծներ Ս. Գորոդեցկու, Ալ. Կուլեբյակինի բնակարաններում, կարդացել իրենց ստեղծագործությունները, լսել ուշագրավ զեկուցումներ գրական ամենատարբեր հարցերի շուրջ, ակտիվորեն դրանք քննարկել: Առանձնակի հետաքրքրություն են ներկայացրել Ալ. Բլոկի ստեղծագործությունների, մասնավորապես, «Տասներկուսը» պոեմի ընթերցումն ու դրան հաջորդած քննարկումը և Հովհ. Թումանյանին նվիրված նիստերը:

«Չորեքշաբթիները» միշտ եղել են բազմամարդ, համալրվող անդամներից բացի, հաճախ մասնակցել են և հյուրեր՝ կոնսերվատորիայի պրոֆեսոր Ֆ. Հարսմանը, երաժշտագետ Ն. Չերեպնինը, վրաց պոետների «Երկնագույն եղջյուրներ» խմբակցության անդամներ Տ. Տաբիձեն, Պ. Յաշվիլին, Վ. Գափրիինյաշվիլին, Թիֆլիսում գործող ֆուտուրիստները՝ Ա. Կրուչոնիխի գլխավորությամբ: «Բանաստեղծների համալսարան» հավաքույթների, ընդհանրապես նրա գործունեության մասին հետաքրքիր հուշեր է թողել գրական միավորման անդամ Հ. Պողոսյանը: Ուշագրավ տեղեկություններ կան այդ հավաքույթներին Հովհ. Թումանյանի մասնակցության մասին:

1919 թ. ապրիլի կեսերին լույս է տեսնում «Բանաստեղծների համքարության» անդամների չափածո գործերի ժողովածուն՝ «Ակմե: Թիֆլիսի բանաստեղծների համքարության առաջին ժողովածու» խորագրով: Այն ընդգրկել է 22 բանաստեղծի (Ա. Անտոնովսկայա, Հո. Ասիլյանց, Գ. Բամել, Ն. Բել-Կոն-Լյուբոմիրսկայա, Ա. Գերբսման, Ս. Գորոդեցկի, Ն. Գրացիանսկայա, Յու. Դանցիգեր, Մ. դե-Կապրելևիչ, Վ. Չոտա, Օ. Կամանա, Ն. Կապրանով, Ալ. Կուլեբյակին, Մայա, Ս. Մելիկովա, Կ. Օբրազցով, Տ. Պոյարկովա, Վ. Պրուսակ, Ա. Ռադիկե, Ս. Ռաֆալովիչ, Վլ. Սապոժնիկով, Ն. Սեմեյկո) ստեղծագործություն, որոնցից 4-ը եղել են հայ: Ժողովածուի նյութերի գերակշիռ մասն առանձնանում է մարդասիրությամբ, սիրո, նվիրվածության, բարու, գեղեցիկի, մարդկային համերաշխության և խաղաղ կյանքի ձգտումով, հույզերով ու տրամադրություններով՝ ընդդեմ պատերազմի և բռնության:

THE ACTIVITY OF THE TIFLIS “ARTEL OF POETS ”

ANUSHAVAN ZAKARYAN

S u m m a r y

Literary union “Artel of Poets ”, presided over by prominent Russian poet, writer, publicist, translator and public figure Sergey Gorodetsky (1884–1967) , which was one of the departments of artistic organization of new type named “Artisterium”, founded at the end of March, 1918 by the journal “Ars”, having acted in Tiflis, has had its prototype represented by the Petersburg “Artel of Poets ”. The latter was founded by S. Gorodetsky and N. Gumilyov in 1912 (organizational meeting took place on October 20, 1911 in Gorodetsky’s flat). The Petersburg “Artel” had prepared akmeism with its frames of mind, which, as a poetic trend opposed to symbolism, was formed in 1913.

Constituent meeting of the Tiflis “Artel of Poets ” took place on April 12, 1918. The members of the literary union gathered every Wednesday at cellist N. Benditsky’s musical studio, in poets S. Gorodetsky’s, Al. Kulebyakin’s flats, read their works, listened to noteworthy lectures on various literary issues, discussed them actively. Reading and later the discussion of Al. Blok’s works, particularly of the poem “Twelve” and meetings dedicated to Hovh. Toumanyanyan were especially interesting.

“Wednesdays” have always been crowded. Besides replenishing members, there have always been guests: professor of the Conservatoire F. Hartman, musician N. Cherepnin, members of Georgian alignment “Blue Horns” T. Tabidze, P. Yashvili, V. Gaprindashvili, the Tiflis futurists headed by A. Kruchyonikh. Member of the literary union H. Poghosyan has left interesting recollections about gatherings of “Artel of Poets”, generally about its activity. There is interesting information about Hovh. Toumanyanyan’s participation in those meetings.

In the mid-April 1919 the collection of poetical works of the members of “Artel of Poets” entitled “Akme. The First Collection of the Tiflis Artel of Poets” was published. It included works of 22 poets (A. Antonovskaya, Hr. Asilyants, G. Bamel, N. Bel-Kon-Lyubomirskaya, A. Gerbsman, S. Gorodetsky, N. Gratsianskaya, Yu. Dantsiger, M. de-Kapreleevich, V. Zota, O. Kamayeva, N. Kapranov, Al. Kulebyakin, Maya, S. Melikova, K. Obratsov, T. Poyarkova, V. Prussak, A. Radike, S. Rafalovich, Vl. Sapozhnikov, N. Semeyko), four of which were Armenians. Overwhelming majority of the materials of the collection was distinguished by aspiration of humanism, love, devotion, kindness, beauty, human solidarity and quiet life, excitements and moods directed against war and violence.